

УДК 785
ББК 85.318
X 52

CHRIS HEATH
REVEAL: ROBBIE WILLIAMS

Печатается с разрешения автора, компании Farrell Music Limited и литературных агентств McCormick Literary и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского Александра Беляева

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

**Фотографии: Глава 1 © Leo Varon; Глава 2 © Gwen Field; Глава 3
© Ayda Williams; Глава 4 © Hamish Brown; Глава 5 © Ayda Williams;
Глава 6 © Ayda Williams; Глава 7 © Ayda Williams; Глава 8 © Gwen Field.**

Хит, Крис.

P58 Robbie Williams: Откровение / К. Хит ; пер. с англ. А. Беляев — Москва : Издательство АСТ : Кладезь , 2019. — 512 с.: ил. — (MUSIC LEGENDS & IDOLS).

ISBN 978-1-911274-91-9 (англ.)

ISBN 978-5-17-108777-7 (ООО «Издательство АСТ»)

Крис Хит работал в тесном сотрудничестве с Робби Уильямсом в течение многих лет и в этой книге Робби выставляет свою жизнь в самом неприглядном виде, беспощадно перечисляя все свои промахи, недостатки и разочарования.

**УДК 785
ББК 85.318**

ISBN 978-1-911274-91-9

ISBN 978-5-17-108777-7 (ООО «Издательство АСТ»)

Text copyright © 2017 by Robbie Williams
and Chris Heath
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1.	6
Глава 2.	66
Глава 3.	119
Глава 4.	170
Глава 5.	281
Глава 6.	328
Глава 7.	393
Глава 8.	455

ВВЕДЕНИЕ

Это книга о Робби Уильямсе. Это подробный и откровенный рассказ о его жизни, свершениях и мыслях. Герой книги хорошо известен, и также известна его природная открытость и честность, поэтому данная биография приводит такую информацию и описывает такие моменты, которые не очень-то ожидаешь от книги с фотографией современной «звезды» на обложке. Моменты эти очень разные: душераздирающие, нелепые, забавные, неприятные. Они — шокирующе откровенные или совершенно бестолковые, нежные и духоподъемные, смехотворно самовлюбленные и трогательно щедрые, приводящие в уныние и жизнеутверждающие, а также — раздражающие и радостные.

И прежде всего расскажем историю о песне, которую Робби недавно пытался сочинить. Поначалу история эта может показаться мрачной, потому что эта песня — одна из тех, в которой он выставляет свою жизнь в самом неприглядном виде, беспощадно перечисляя все свои промахи, недостатки и разочарования. Но в то же время это хороший проводник к одной стороне его души, к кипящему котлу сомнений, что варится в его голове. И это история в которой, глядя страхам в лицо, он каким-то образом обретет некую магию. Не будет «спойлером», если я в самом начале скажу, что такое в той или иной степени будет повторяться снова и снова. У жизни нет хэппи-энда, пока она продолжается, ибо все мы уязвимы перед капризной фортуной и собственными слабостями. Но если на одном уровне эта книга есть продолжающаяся хроника беспокойного мужчины в поисках богатой жизни, которая, как весь мир считает, у него давно есть, то даже это повествование затрагивает как триумфы, так и борьбу, что не должно омрачать новости о том, что ныне эти поиски по большей части проходят крайне успешно.

ГЛАВА 1

ИЮНЬ 2016 ГОДА

Он рассказывает свою жизнь в микрофон. Ну или одну из ее версий: «В общем, я не собирался жениться, не собирался заводить детей, моя жизнь — могу ее просрать. Очень хорошо у меня это получалось, старался. Я не продавался, потому что сам не скупал по дешевке, и никогда не чувствовал себя уютно в своей шкуре. И не собирался избавляться от беспокойств. Беспокойства у меня до хера, блин».

Сегодня Роб — в лондонской студии RAK, вместе с автором песен Джонни Макдейдом. Писать песни — процесс подчас очень личный: соавторы больше обмениваются мыслями и делятся опытом, чем собственно прорабатывают тексты и мелодии. Джонни предложил такое: а что если Роб поговорит что-нибудь под музыку, что-то, чем он с беспощадной откровенностью делился. Этого никто никогда не услышит. Роб согласился.

«Знаю, когда ты молод, ты думаешь, что все изменится к лучшему, потому что в молодости мы все бессмертны, и все окружающее

дерьмо только кажется вечным, так? Но я провел на этой планете немного времени, и оно не исчезло. Я прошел сквозь горизонт, но я все еще здесь».

Отчасти нарастающая нервозность Роба вызвана грядущим альбомом. Он написал очень много новых песен, сам даже не знает, — сколько — 60, 70 или 80, но все еще ищет чего-то, что никак не может найти. Не просто хорошее-особенное-честное, а *неотразимое*. Чтоб сразу было понятно: вот это — хит!

«Я завистник, ограниченный, неуверенный, слишком чувствительный, малообразованный. А мой успех — это какой-то сбой в матрице. И да, ну да, от этого больнее, чем если б вы меня обозвали жирным... бездарным... противным».

Как-то не очень похоже, что именно эта песня будет именно тем, что он ищет. Но он продолжает с ней работать.

Как он позже скажет — «я пытался быть честным».

«Потому что, может быть, вы говорите то, что я сам о себе думаю. Я не стану обращаться с другими людьми так, как обращаюсь с собой. Легко перечислю свои недостатки. Быть на позитиве очень трудно. Выхода нет».

За все эти годы он написал несколько песен, которые совершенно жестко и безжалостно рассказывали о мужчине, который их поет. «Он бросает себя под автобус, — замечает Джонни, — пока никто другой не успел этого сделать». Но хотя самоистязания — одна из самых продуктивных тем у Роба, она обычно несколько более завуалирована, чем сейчас — метафорами, юмором или такой сардонической напыщенностью, при которой самокритика звучит как похвала.

А то, что сейчас произносится — неприкрашенная расшифровка самых мрачных мыслей.

«Я себя лечил наркотиками, алкоголем, женщинами, телевидением, интернетом, сигаретами. Это у меня в ДНК, или я праотец своих праотцов?»

Лишь в самом финале данного монолога есть небольшой момент подъема, легкий поворот в стиле триумф-через-поражение, моя-сила-в-моей-слабости:

«Ну, на самом деле моя уязвимость всегда была моей же силой. Благодаря ей я достиг того, чего достиг. А все я это делал потому, что думал: не смогу».

Не слишком-то щедро, после столь долгого самобичевания.

Тем не менее сегодня достигнут определенный результат: сжатая трехминутная автобиография, ярко поданная через сомнения и страхи. Песню они назвали «Я это я» (“I Am Me”) — по той части, где повторяется: «Где бы я ни был, там я буду... я это я» (“Wherever I Am, that’s where I’ll be... I am me”). Конечно, песня эта даже отдаленно не напоминает планетарный хит-сингл, который хочет Роб, но иногда творческий процесс просто сопротивляется, если его куда-то направляют.

Поиск будет продолжаться.

Роб сочиняет песни всегда.

Он в курсе, что некоторые люди считают его эдакой поп-звездой, которая вечно бегаёт-прыгает и делает что поп-звезде положено, а новые песни ему подбирают и в альбомы собирают, причем он в этом участвует минимально, или вообще не участвует. У многих современных поп-звезд именно так все это дело и происходит, причем для некоторых эта схема дает отличный результат.

Но Роб-то в принципе другой. И таковым был с самого начала, еще когда начал писать песни в середине 90-х. Он из тех музыкантов, кто постоянно сочиняет просто потому, что это его дело. Он из тех, кто выставляет напоказ каждый триумф, каждый провал, каждый подъем и падение, любую фантазию и умную мысль, амбицию и мечту, сильное воспоминание, похвалу, шутку, острую фразочку и скверную рифму, каждую надежду и разочарование... все это, все о величии и неразберихе в своей жизни — песня за песней, без конца. И песен гораздо больше, чем кто-либо когда-либо услышит.

Например, он никому об этом не рассказывал, но к концу 2006 года он отошел от дел, отправился на покой. Завязал быть поп-звездой. И даже если сейчас он признает, что та единственная причина, по которой он ничего не говорил почти никому — это потому, что где-то глубоко в душе он должен был понимать, что в конце-то

концов вернется, ибо почти три года говорил себе, что его звездные дни позади. Но *даже тогда* он не переставал сочинять песни. Ему просто в голову не приходило, что можно взять и не писать больше. В то время, если б вы посетили его в этом новом качестве бывшей-поп-звезды-ныне-отшельника и хотя бы намекнули на то, что странно — вот есть новые песни, и вам он их показывает, и в доме периодически живут соавторы, — он бы отнесся к вам как к какому-то зануде. Неужели вы не понимаете, что отдалился он от совершенно другого? От того, что он бы описал словами — если б пришлось — «Поп-звезда Робби Уильямс» со всеми сопутствующими. Он ушел от всего, что где-то *там*. И почему, Господи, нужно при этом перестать писать песни? Это ж как раз то, чем можно заниматься дома, спокойно и с друзьями. И никому об этом знать не надо. Просто это то, что он *делает*.

Так что он пишет, потому что пишется. Но даже в этом случае, как он обнаружил, когда все-таки вернулся, если ты поп-звезда на протяжении довольно долгого времени, то напряжение принимает разные формы, но растет неизменно. Есть в карьере успешных поп-звезд такое золотое время, когда можешь все и никаких препятствий нет. Все, что ни делаешь, происходит как бы вообще без усилий, а любое твоё тихо сказанное простое слово слышит весь мир. Все песни бьют прямо в цель — так точно, что через какое-то время ты как бы вообще не в состоянии промазать.

И вот в один прекрасный день как будто в небесном механизме какую-то шестеренку заклинило, и все остановилось. Со всеми так бывает, какими бы талантливыми и знаменитыми они ни были. Без исключений. С этой поры успех, признание и богатство могут продолжать прирастать, но уже не так легко, как раньше. А как раньше — так уже никогда не будет.

В общем, сейчас июнь 2016 года, и менее чем через пять месяцев Робби Уильямс планирует выпустить альбом новых поп-песен — первый за четыре года. Первый альбом такого жанра после того, как ему перевалило за сорок. А напряжение нарастает. Писать песни ради самореализации и удовольствия может быть занятием

сколь угодно приятным, но писать песни, зная, что их будут судить на предмет соответствия неким стандартам, которые особо никак не определишь и не опишешь, — это, конечно, стресс.

Песни, которые он писал время от времени последние четыре года, Роб носит с собой — они на ноутбуке, который всегда с ним. (Ну, если быть точным, на последней версии этого ноутбука. Чаше, чем можно себе представить, на этот портативный компьютер обрушиваются всякие несчастья — то уронят, то водой обольют, и тут приходит на помощь специалист, который перекидывает данные на новенький ноутбук.) Роб все время проверяет на людях ту песню, которая у него сейчас в голове — чаще всего самую новую, но иногда какую-то старенькую, что выскочила из памяти. Некоторые написаны с его прежним соавтором Гаем Чемберсом, другие — с музыкантами его нынешнего концертного коллектива, часть — со старыми друзьями из Stoke, с продюсером Стюартом Прайсом и другими, с кем познакомился по рекомендациям. (Вот, кстати, красноречивый факт, много говорящий о Роббе: с малознакомым человеком ему гораздо комфортнее сочинить песню, чем, скажем, поужинать в ресторане.) Даже если менее половины этих песен всерьез претендуют на место в новом альбоме Робби Уильямса, все равно пишется очень много.

Он не перестает задавать себе и окружающим такой вопрос, даже если он не так сформулирован: что-то из этого — хит? Многие песни ему нравятся, за многие ему не стыдно, многие очень хороши с любой стороны, как ни посмотри. Но в поп-музыке не дают призы ни за количество материала, ни за тяжкие труды, ни даже за стабильность мастерства, поэтому надо искать песню, которая пробьется к широкой аудитории и надолго западет в народную память. Может быть, такие песни у него уже есть. Это очень трудно понять.

Время поджимает уже очень сильно, но он все ищет. Вы можете подумать, что в такой ситуации он совершает обычную ошибку: пытается силой выжать что-то коммерческое, тупое или плоское. Но нет — песни развиваются своим путем. Иной день начинаешь с поиска хита, а заканчиваешь бесконечными разговорами, матом и душераздирающим резюме всех плохих мыслей, осаждающих твою голову. Всегда же есть завтра.

На следующий же день они с Джонни Мак Дейдом возвращаются в студию РАК, чтобы еще поработать над “I Am Me”. Странное совпадение: ранее Роб кинул на почту Джонни цитату писательницы Марианны Уильямсон, но Джонни сам, совершенно независимо, где-то прочитал ее на той же неделе. Цитата, собственно, о страхе: «Самая глубокая наша боязнь — не оказаться неадекватным. Самая глубокая наша боязнь — что мы сильны вне всякой меры. Именно свет наш, а не тьма, пугают нас всего более».

Вот такое вот они обсуждают, и примерно в такой атмосфере находятся. В определенный момент Роб уходит в ванную, а по возвращении слышит, что Джонни наигрывает на фортепиано некие аккорды. Он тут же начинает подпевать.

Я люблю свою жизнь.
Я силен,
Я красив,
Я свободен.

«Это такая песня, с которой я самому себе придаю сил, потому что на самом деле это совсем не то, что я чувствовал», разъясняет Роб. «Я депрессивный тип, боровшийся со счастьем. Я это преодолел, поэтому могу теперь спеть “я люблю свою жизнь”. Интуитивно я знаю, что очень многие такое чувствуют».

В любом случае таково сейчас его разумное объяснение. Такой набор слов он вообще-то поет совсем нечасто. В поп-музыке, конечно, в избытке песен, которые самому себе придают сил, зачастую тщетно, но в каталог Робби Уильямса они не входят. Он, возможно, почувствовал, что может сделать такую песню — вот прямо здесь, прямо сейчас, потому что понимает, что это уравнивает те слова о собственном несовершенстве, которые он вчера наговорил в микрофон.

Я люблю свою жизнь.
Я прекрасен,
Я чудесен,
Я это я.

Это явный припев. Они на него потратили минут пять. Теперь есть песня.

Но это просто еще одна песня, еще одна в компьютере. Она, конечно, с изюминкой, но опять не то, что требуется. Весь тот мрачный диалог — не то, что можно использовать в потенциальном хите. Но есть еще проблема — тот припев. Роб понимает, что в нем есть некая мощь. Когда он его пел, он именно это и имел в виду. Но при этом он не может представить, что эти слова он поет о себе — во всяком случае, не публично, не как Робби Уильямс, который общается миру, что любит свою жизнь.

«Мысль, которая постоянно ко мне возвращалась — я не могу этого сделать, потому что звучит самовлюбленно».

Тому, что он делает, неотъемлемо присуще хвастовство в разных формах, но вот в такой — никогда. Это просто не его.

Во всей этой истории есть одно, что его не беспокоит, хотя кого угодно именно это бы и беспокоило: мысль, что в этих стихах он слишком уж откровенничает. Что сказал слишком многое. Что раскрыл то, что лучше бы прятать.

Похоже, это единственное, что его никогда не беспокоило и не беспокоит. Возможно, тут правды больше, чем разумный человек осмелился бы раскрыть. Но это то, что Роб делал на протяжении всей своей карьеры. Можно даже сказать, что это одна из алогичных основ, на которой он ее построил.

Большинство людей пытаются защитить себя, скрывая секреты. Но есть и другой способ. Если ты раскрываешь секреты, делишься историями до того, как их кто-нибудь узнает, то их уже гораздо сложнее использовать против тебя.

Ну и при таком способе все равно они остаются твоими.

СЕНТЯБРЬ 2016 ГОДА

Сейчас 7.30 утра. Утро бывает тихим, бывает не очень. Этот понедельник будет для отца и дочери днем воспоминаний рэп-хитов. Они завтракают в лос-анджелесском доме семьи Уильямса. Тед-

ди — Теодора Роуз Уильямс, которой на следующей неделе исполняется 4 года — ест вафли и малину, глядя в экран телевизора, который показывает “I’m Bad” рэпера Эл Эл Кул Джея. После этого клипа начинается “Don’t Believe The Hype” группы Public Enemy, затем — “Jump” дуэта Kriss Cross.

«Вот эта папе нравилась, — объясняет ей ее личный виджей, мужчина 42-х с половиной лет. — Нравится тебе, Тед? Они все задом наперед надевали».

«Зачем?» — спрашивает Тедди.

«Интересный вопрос».

После “Getting’ Jiggy With It” Уилла Смита идет финальный клип подборки. «Сейчас будет класс», — обещает папа и включает “Hey Ya!” группы OutKast.

«Хотел бы папочка сам такую сочинить», — замечает он.

Сегодня у ее отца первый день общественной кампании по раскрутке грядущего альбома *The Heavy Entertainment Show*. Он как приглашенная звезда выступает на британском «Голосе» (X Factor), для чего ему необходимо почти целый день сниматься в доме Шэрон Осборн. В качестве подготовки к съемкам, после завтрака он отправляется обратно в постель.

Заснув во второй раз, он видит такой сон. Его жена Айда купила дом в Лас-Вегасе, и он — даже во сне — с удивлением отметил: там есть сцена. И странности на этом не заканчиваются. «На новоселье за столом — множество футболистов, — вспоминает он. — Там еще множество столов, но я кроме футболистов никого не знаю». Крайне некомфортная обстановка. «Я попытался попасть внутрь, но сюрпризы не люблю. Хотя Уэйн Руни был очень приятен». И хотя фасад дома не сильно отличался от его лос-анджелесской резиденции, то с другой стороны происходили куда более странные вещи.

«Сзади дом примыкал к Тунстоллскому рынку». Тунстолл — это район в Сток-он-Тренте, где он рос.

Роб все это рассказывает совершенно обыденным тоном в машине, спускаясь с Голливудских холмов и направляясь к дому Шэ-

рон Осборн. Даже если он сам, по-видимому, не находит ничего необычного в том, что во сне ходит по какому-то нереальному дому с концертной площадкой и порталом в детство на заднем дворе, то, наверное, это потому, что он привык к еще более странным вещам, которые постоянно с ним происходят и во сне, и наяву.

Майкл Лони, один из менеджеров, который старается во время рабочих дней находиться рядом с Робом постоянно, говорит, что тоже видел тревожный сон. И тоже с участием Роба. Майклу приснилось, что Роб с группой должны сегодня лететь на вертолете на частный концерт где-то во Франции, но он совершенно забыл сказать об этом Робу. Когда он проснулся, то на самом деле полез в ежедневник — проверить, что ничего такого у них сегодня не запланировано.

Далее следует длительное обсуждение страшных снов.

«Ага, — говорит Роб. — Мне то и дело снится, что Айда меня бросила. Она такая холодная, ноль эмоций...»

«То есть у тебя повторяющиеся сны, так, что ли?» — спрашивает Майкл.

«Ну, я их не считаю повторяющимися, — отвечает Роб. — Это просто я и медикаменты».

Пару дней он проболел — простудился, жаловался на плохое самочувствие. Майкл спрашивает, получше ли ему сегодня.

«Наверное, получше, — осторожно предполагает Роб. — Но, понимаешь, когда ты не хочешь, чтоб люди от тебя слишком много ожидали, ты говоришь “похуже”».

Дом Шэрон Осборн — один из тех, на которые вешают табличку «Осторожно, злой хозяин. На собаку не обращайтесь». Когда Роба гримируют в одной из комнат наверху, Шэрон заходит поздороваться.

«Я простужен, — предупреждает он. — Целоваться не будем, просто пожмем руки».

Поприветствовав друг друга, заводят разговор о недвижимости и дизайне помещений. (Шэрон и Оззи только что переехали в этот дом, впрочем Оззи все равно постоянно на гастролях.)

«Я в этом плане решений никаких не принимаю, — говорит Роб. — У меня жена есть, я десять лет назад отдал ей свои яйца, она их держит в баночке у кровати».

Он сообщает Шэрон, которая здесь, в Америке, ведет женское ТВ-шоу, что Айда недавно побывала одной из ведущих программы Loose Women.

«Ей понравилось?» — спрашивает Шэрон.

«Да, очень, — говорит Роб. — Понравилось. Мне тоже понравилось, как она там. В смысле — она говорит много, но мне нормально. Ничего такого не сказала, о чем мы не говорили бы при людях».

Они болтают о друзьях и врагах, Роб рассказывает, что недавно где-то пересекся с Пирсом Морганом, с которым у него давно напряженные отношения. «Я думал, что ты должен орать, беситься и говорить всякие гнусности, — говорит он. — Я думал, что ты должен донести до властей свою правду... но я теперь отец. А они все равно ничего не станут слушать, ничего не изменится в любом случае, только сам себе проблем наживешь. С таким же успехом можно с ними быть и приветливым».

«Милым быть — за это не надо ничем платить», — говорит один из продюсеров «X Factor», который тоже находится в этой комнате.

«Ничем, кроме чувства собственного достоинства, — парирует Роб. — Я, правда, своего лишился еще в 1991. Так что все нормально».

Немного погодя после того, как Шэрон и деятели с «X Factor» вышли из комнаты, Роб вдруг говорит: «Да, в клипе “Do What U Like”». Это был клип на первый сингл Take That. В финале клипа все пятеро певцов группы голыми лежат на полу, а некая молодая женщина шваброй намазывает им ягодицы желе.

Пауза.

«Там я потерял свое достоинство», — добавляет он, чтоб уж всем все до конца стало ясно.

Начало цепи событий, благодаря которой Роб мило повел себя с Пирсом Морганом, положено было в некоем игровом детском спортзале под названием Dan The Man Gym. Туда Роб с Айдой во-

дили сына Чарли (Чарлтон Валентайн Уильямс, в следующем месяце — два года.) Там они встретились с девушкой Саймона Коуэлла, Лорен Сильверман, которая пригласила их на свой день рождения — завтра вечером в отеле Chateau Marmont. Именно туда Роб частенько захаживал, когда был холост и свободен, и снова посещать это место не горел желанием. Но он подумал, что там стоит хотя бы засветиться ненадолго. Не особо размышлял над тем, кого еще туда занесет.

«А тут вдруг из толпы Пирс Морган», — рассказывает он. Тут пришлось быстро принимать решение. Дело в том, что Пирс Морган годами говорил всякие язвительно-назидательные вещи в адрес Роба, да и Роб с резкими ответами не медлил. Иногда даже первым мог нанести ответный удар. И теперь вот они здесь оба. «Конечно, я в затруднительном положении — я на вечеринке, куда и он приглашен, и я не могу грубить и предпринимать какие-то жесткие действия», — объясняет Роб. Поэтому он решил поступить прямо противоположно. «Я подошел и обнял его. И он такой: Робби, мы сейчас враги или как, я ничего не понимаю! Я говорю: смотри, ну вот когда весь этот негатив в прессе насчет меня был, ты явился прямо олицетворением всего плохого. Он ответил: да, я это осознаю. А я говорю ему: Я немножко старше стал. Он: ...и мудрее. И я такой: ага, мудрее. Ну вот так все мило и прошло».

Когда подали праздничный ужин, они сели рядом, и с ними — Саймон Коуэлл и Лорен, Айда и Николь Шерзингер. Они болтали, Роб сказал Моргану, что читал то, что тот говорил о терроризме, и нашел это все очень смелым. Ничего плохого не случилось.

«Интересное дело — у меня как будто гора с плеч, что не надо кого-то ненавидеть», размышляет Роб. «Одним меньше. Удивительно приятное ощущение — мило обращаться с ним».

После этого произошло то, чего Роб вполне мог бы ожидать — об их встрече Морган написал колонку в Mail on Sunday.

Вот так он увидел эту ситуацию:

«У нас с Робби в прошлом было много разного, не всегда приятного. Я был официальным биографом группы Take That, но наши с ним отношения испортились, когда слава и успех вскружили ему голову и он зазнался. Хотя, возможно, это был я...!»